

Владимир СОРОКАЖЕРДЬЕВ

родился в городе Кирове на Вятке.

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

В 1975 году в издательстве «Современник»

вышел первый поэтический сборник.

Стихи печатались в различных журналах и антологиях.

В «Севере» публикуется с 1970 года.

*Автор многих историко-краеведческих книг о Севере,
две книги переведены на шведский язык.*

*Лауреат Международной
литературной премии им. В.Пикуля.*

Член Союза писателей России.

**Владимир
СОРОКАЖЕРДЬЕВ**

г. Мурманск

В ЭТОМ ГОРОДЕ

В этом городе, туманами прокуренном,
летом солнышко ночует наяву.
Ты живешь на тихой улице Халтурина,
я на шумной, на Свердлова я живу.

Ты любовь к любимой улице не вырони
из души своей — живи и будь здоров, —
вдруг узнав, что сатана под этим именем,
сатана под этим именем и кровь.

Время учит быть внимательно-дотошным.
Я жалею, и признаться тяжко мне,
что и улица моя — с кровавым прошлым
и убийцы имя тоже на стене.

И Халтурин, и Свердлов — идейнокровные,
справедливый им случился Божий суд.
Почему-то, Заполярью посторонние,
эти люди в наших улицах живут.

Здесь, под северными вьюгами, и ливнями,
и салютами полуночных огней,
о хорошем я мечтаю, добром имени,
разве мало замечательных людей?..

«Теплом в землю ушла старина...»

КОЛА

Городок мой — ни то и ни сё —
у огромных портов за спиною.
А бывало, с норвежским Тромсё
равен рыбою был, стариною.

Пеплом в землю ушла старина,
и леса не кустятся по склонам,
города расплодила страна
по бетонно-асфальтным шаблонам.

И не тянутся руки к веслу,
вечерком не латается парус.
Нету тяги, увы, к ремеслу,
к делу рыбному — сети и ярус.

Им жалеть и вздыхать про житье,
удивляться прорехе в кармане...
Не *коляне* теперь — горожане,
потерявшие имя свое.

МУРМАНСК – ИВАЛО

Остановка на дикой опушке.
Лес чужой и чужая заря.
Что тревожно так? Снайпер-«кукушка»
ненароком спугнул глухаря?

Мы хорошие нынче соседи,
наши встречи порой тороплю.
Я куплю себе финские сети,
сувенир-олёнёнка куплю.

Отчего же покой мой нарушен
в этой снежной и чистой зиме?
Сколько ездю здесь,
сколько мы дружим,
а «кукушка» опять на уме.

Ветку памяти снова нагнуло
в глубину той зимы и огня,
и в отца снова метится пуля,
но, наверное, больше – в меня...

* * *

За горою-лесом – кто таков? –
катит солнце празднично-парадное,
тянет одеяло облаков
и бросает воду водопадную,

гонит к югу выводок гусей
только им понятною дорогою;
наблюдает за природой всей,
рычаги невидимые трогая.

И тумана будет нам мешок,
и объявят час начала сева.
Эх, не перепутать рычажок –
эх, не ошибиться – правый, левый?..

МАЛЫЕ КОРЕЛЫ*В. Беднову*

Вы меня в морозный день согрели
доброю крестьянскою душой,
северные Малые Корелы,
Малые – но с памятью большой.

Словно нарисованные углем
на широком снежном полотне,
мельницы-игрушки, церкви-куклы
повернулись личиком ко мне.

В этом мире деревянных кружев
было много разных добрых дел.
Ах, Архангельск! Сам себя разрушив,
погорельцев с вотчины пригрел.

Малые Корелы! По спирали,
покружив тропинками, прошли
ту Россию, что мы потеряли,
ту Россию, что мы сберегли...

ОСЕНЬ

Ветер-гулёна! Над миром летит
чья-то косынка.
А за селом деловито шумит
листвокосилка.

Голые ветки, стыдливы стволы.
Сердится дятел.
Травы потухли, легла на столы
инея скатерть.

Та нагота раздражает собак.
Слушая шавок,
всё не желает рябина никак
снять полушалок...